

КОНИ В ДИАЛОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

К. Хафизова

Существует два удивительных культурных феномена феодализма на всем пространстве Дашт-и Кипчака от Дуная до Алтая. Один из них это – повсеместное распространение письменного чагатайского языка наряду с фарси, а второй – бытование у многочисленных народов этого ареала общих сказаний и мифов с небольшими модификациями, имеющих отношение к коням. Более того, второй феномен в отдельные исторические периоды включал территорию до самого Тихого океана на востоке и Великой китайской стены – на юге. Судя по жизнеописаниям государей и народных батыров (богатырей), по легендам, мифам и историческим сказаниям кони продолжали занимать значительное место в жизни народов этого обширного пространства до конца XIX века. Много общего о месте коня в духовной и религиозной жизни народов Центральной Азии мы находим в тюрко-монгольском эпосе, эпосе кавказских и других народов¹. К ним с полным правом можно присоединить и культурное наследие народов, обитавших на землях по долине реки Хуанхэ, включая ханьцев. В жизни ханьцев северо-западных и центральных районов Китая культура кочевых народов, в их числе культ коня был составной и неотъемлемой частью их культурной и духовной жизни. Китайская культура переходила от стадии противостояния культуре кочевых народов к восприятию новых идей, которые после пересадки на китайскую почву приобретали своеобразную утонченность и изящество. Завоевание Китая соседними народами, а также завоевание этих народов Китаем ускоряли процесс взаимовлияния и взаимопроникновения культур. Это особенно ярко проявляется в отношении к коню и в формировании его культа. Маньчжуры, покорившие Китай в середине XVII века и основавшие одну из мировых империй, не порывали с духовной сторонай жизни своих соплеменников, связанной с конем. В XVIII – XIX вв. произошло знакомство с мифами о коне и сакральными взглядами на это благородное животное маньчжурской и ханьской аристократии.

На коня в XVIII – XIX вв. во всем мире смотрели не только как на животное, пригодное для хозяйственных и военных нужд. Известные полководцы, военные предводители, батыры народов Центральной Азии почитали коня, сохраняли мистическую связь со своим конем. Военное сословие батыров, занимавшее важное место в кочевом обществе появилось в Китае в качестве титула, или звания даруемого наиболее отличившимся воинам. В XVII – XVIII вв. императоры Цинской империи жаловали звание батурса (батыра) представителям монгольских и тюркских племен. В Центральной Азии звание батыра получали в результате всенародного признания их подвигов, которое затем прочно закреплялось в фольклоре. Ханы очень дорожили своими батырами и в мирное и в военное время. Состязания батыров в рукопашной борьбе, в искусстве верховой езды, стрельбе на скаку по цели из лука, а затем и примитивного ружья, в охоте составляли неотъемлемую часть культуры народов Центральной и Восточной Азии вплоть до конца XIX в.

Зная о поистине неопределимой роли этого животного в духовной жизни тюрко-монгольских народов Центральной Азии, Цинская империя поставила коня в идеологическую основу внешнеполитических связей. Подношение конями от

народов Центральной Азии цинская династия возвела в политический институт дани. Подношение императору породистых скакунов прекрасных мастей и качеств правителями стран Центральной Азии рассматривалось как подтверждение их лояльности. Этим поддерживалась особая связь между субъектами региона, характерная для международных отношений феодальных государств. Вместе с культом коня в духовной жизни народов Центральной и Восточной Азии, дар в виде коня способствовал формированию своеобразной политической культуры в регионе. Этот феномен состоял из взаимодействия и взаимовлияния политических и культурных традиций Китая и Центральной Азии, имевших глубокие корни. На протяжении веков культурные традиции, связанные с конем развиваясь самостоятельно, порой параллельно в каждом из регионально-культурных зон, а затем сливались на какое-то время в единый поток, как это было в Китае в цинскую эпоху. Без сомнения, кони продолжали играть выдающуюся роль в диалоге цивилизаций до конца XIX века.

Кони в культуре Китая. В Китае в исторические периоды тесно связанные с Центральной Азией оживает традиция воспевания коней и их сакрализация. Породистые скакуны всегда в Китае ассоциировались с Центральной Азией – Сией, откуда Китай стремился получить их любыми путями. Шелковый путь вполне обоснованно может называться Конским путем, так как стимулом для его установления первоначально служило не планы завоевания новых земель, тем более не желание вывозить шелк и другие товары за пределы страны, а стремление ханьцев получить коней для осуществления мистических ритуалов их суверенных правителей². С развитием общества и прогрессом хозяйствования пришло осознание возможного практического применения коней. При этом, использование коня для сельскохозяйственных работ пришло, несомненно, гораздо позже, чем использование его для военных нужд. В китайских войсках почти до маньчжурско-цинского периода лишь императоры, а за ними высшая чиновничья и военная знать садились верхом на коней. Остальные сопровождающие, а в войне – пехота бежала следом за ними на собственных ногах. Напротив, в древности и средневековье у большинства народов Центральной Азии пехоты не было, их войско составляли конные отряды. Поэтому, древние кочевники обычно одерживали военную победу над ханьскими войсками. Древним и средневековым китайским государствам кони требовались для поддержания регулярных политических связей с кочевниками, проживавшими на значительном расстоянии, как от них, так и между собой. Особенно острая нужда в конях возникала во время завоевания народов к северу и северо-западу от Китая. Только при условии приобретения территорий к северу и северо-западу от Великой стены китайское государство приобретало статус империи, а при их потере – теряла имперскость. Собственная конница была необходима не только во время военных кампаний, но и для охраны границ, для удержания под своим контролем завоеванных территорий, для транспортных и других хозяйственных нужд. В древности и средневековье империи, возникшие на территории современного Китая привлекали на службу наемные конные отряды кочевых владений. Однако со временем становилась очевидной необходимость создания собственной конницы и собственных конских заводов. Китайцы могли довольно рано узнать навыки стойлового содержания небольшого количества породистых коней, но для государственных нужд требовались большие стада. С этой задачей справлялись лишь кочевые династии, покорявшие Китай, например, монгольской династии Юань в XIII в., маньчжурской династии Цин в XVIII в. При этих династиях совершенства достигла система почтовых и военных станций, т. е. передовая для эпохи феодализма своеобразная информационно-коммуникационная система. Регулярная поставка коней для этих станций была важной государственной задачей империй.

Китайские источники древнего, средневекового периодов донесли до нас сведения о выдающихся конях. Наиболее древним являются легендарные сведения о 8 конях чжоуского правителя Му Тянь-цзы³. По именам коней Сына Неба Му, на которых он совершил путешествие на Запад, можно составить себе представление об их масти и основных качествах. “/Му ван/ приказал запрячь в две колесницы 8 своих добрых коней. В переднюю колесницу запрягли справа – Рыжую Черногривую, слева – Зеленое ухо, правой пристяжной – Рыжего быстроногого, слева – Белую жертву... В упряжку второй колесницы запрягли справа – Огромного Буланого, слева – Превосходящего колесо, правой пристяжной – Быстроного Вороного, левой – Сына гор”⁴. По-китайски их имена звучали: Хуалю, Луэр, Чицзи, Байси, Цюйхуан, Юйлунь, Даоли, Шань-цзы. Эта запись сделана в философском трактате “Ле-цзы” (также имя философа, жившего предположительно в V в. до н. э.). Рыжий Черногривый (Хуалю) парил над землей, почти не касаясь ее копытами, за что его еще называли “Порвавшим с землей”. Согласно преданиям, записанным Ле-цзы, отец Му-вана когда-то отпустил своих боевых коней на пастбище набраться сил после тяжелых сражений. Коней содержали на острове посреди какого-то озера, где их поили чистой водой и кормили травой, которую Ле-цзы назвал “драконьей”, от чего кони приобретали способность не скакать, а летать. Отсюда и коней называли “конями-драконами”. Бытует и китайская поговорка: “Один пучок драконовой травы” превращает коня в волшебного скакуна – дракона”. Сравнение коней с тотемом ханьцев и символом императора – драконом, от которых они ведут свое начало, являлось и своеобразным освящением этих животных и высшей похвалой в их устах. Масть Хуалю –рыжая, с черными копытами и гривой с тех пор является любимой мастью позднейших властителей, а имя коня стало нарицательным на века. А имя Хуалю стал в китайском языке синонимом породистого коня. Му-ван вывез из чужеземных стран чудесный меч, который рассекал камень и нефритовый сосуд, светящийся в ночи, обладавший способностью собирать утреннюю росу, а также другие вещи. По последним изысканиям китайских ученых, путешествие было совершено на Алтай и в Восточный Казахстан. В таком случае и упоминаемое в сочинении “Яшмовое озер” может оказаться озером Зайсан, в таком случае это его самое древнее упоминание.

В других сочинениях, например в “Записях о забытых событиях” некоего Ван Цзи описания коней Му Тянь-цзы также весьма красочные: “Ван /велел/ запрячь восемь скакунов – драконов. Первого звали Цзюеди – Отрывающийся от земли, он мчался, не касаясь земли, второго звали Фаньюй –Порхающий: когда он мчался, то обгонял летающих птиц. Третьего звали Бэньсяо – Скачущий в поднебесье: за одну ночь он пробежал 10 тысяч ли. Четвертого звали Чаоин – Обгоняющий тень: он двигался поспевая за /движением/ солнца. Пятого звали Юйхуэй – Сверкающий: вся шерсть у него сверкала и переливалась. Шестого звали Чаогуан – Обгоняющий свет: за один прыжок он покрывал расстояние, равное десяти теням. Седьмого звали Тэнью – Взвившийся туман: он мчался на облаке. Восьмого звали Цзяи – Крылатый: у него были настоящие крылья”⁵. Это уже освоенные позже ханьцами метафоры встречаются и в тюрко-монгольских сказаний о конях.

Не лишне здесь вновь напомнить, что правителей династии Чжоу многие всемирно известные исследователи относят к выходцам из Центральной Азии (Сиуй). Некоторые китайские ученые говорят о территории провинции Ганьсу, однако в древности эту территорию занимали племена юэчжи, сюнну, усунь, туфань, жун и др. Государство Чжоу находилось на территории современной провинции Шэньси в долине реки Хуанхэ, откуда тронулся в далекий путь его правитель Му.

Хорошим тоном считалось у позднейших императоров иметь у себя 8 скакунов, подобранных по масти коней Му-вана и запечатлеть их в стихах и на картинах.

Писать картины с изображением западных коней с этих пор стало традицией придворных китайских художников. Это стало примером для подражания в XVIII веке, при этом анималисты соблюдали как число нарисованных коней – 8, так и их описания. Таким образом, традиция изображения 8 скакунов в Китае идет с древнего времени и имеет свою почти двухтысячелетнюю историю. В этом проявлялся китайский способ эстетического наслаждения прекрасным животным. Он был сродни искусству персидской миниатюры, на которых также часто изображались кони и всадники. В Китае помимо миниатюр, писались многометровые полотна – свитки. Огромный свиток XVIII в., хранящийся в Нанкинском музее, так и называется “Восемь скакунов” – “Ба цзю ма”, автором которого является придворный художник миссионер Игнасиус Зихельбарс.

Китайская история сохранила также имена древних знатоков коней: Болюй и Цзюфан Гао (Л.Д. Позднеева перевела имя последнего как “Высящийся во Вселенной”, совершенно очевидно, что это прозвище, данное ему за мастерство распознавания хороших коней и их укрощения). Первый был конюшим у Му-гуна (правил в 659-621 гг. до н.э.). Оба конюших были рабами при дворе, отсюда рождается предположение, что они могли быть представителями других этносов.

В китайских древних источниках упоминается народ “собачьи жуны”, которые выращивали изумительной красоты коней. “У скакуна собачьих жунов пегий круп, алая грива, глаза, как золото, холка, как петушиные перья” – с восхищением писали китайцы. Иногда говорилось, что у них “шея как петушиный хвост”, отсюда в китайском языке произошло выражение “петушиная колесница”.⁶ В русских сказках, поэзии шея породистого коня обычно сравнивается с лебединой.

О значении коня в духовной жизни народов Центральной и Восточной Азии нам раскрывают древние захоронения. В них обнаружены рядом со скелетами людей кости коней. Коней хоронили вместе с женами, приближенными и рабами правителя в качестве священных жертв. В Китае захоронения коней на могилах знатных людей в качестве жертвоприношений прослеживается до III в. до н. э. Однако постепенно люди поняли, что это является большим расточительством. И тогда стали в могилу и склепы складывать изображения коней из глины, дерева, камня, кости, меди, бронзы.⁷

Скульптурное изображение коней в III в. до н. э. мы видим в захоронении императора Циньшихуана, которое относят к восьмому чуду света. Перед нами предстают в натуральную величину тысячи терракотовых коней, впряженных в колесницы, а также с всадниками на спине. Это было грандиозным, но все же не кровавым символическим жертвоприношением людьми и животными. Жертвоприношения в виде изображений коней продолжались и позже, но величина скульптур уменьшилась почти на одну треть и меньше.

Следующий пласт китайских сведений о небесных конях относится к ханьскому периоду, а точнее к периоду правления Воинственного императора (У-ди, годы правления 140 – 117 г. до н. э.). Древние ханьцы называли самых породистых из них “конями, потеющими кровью”. Многие исследователи ломали голову, пытаясь понять, что означают эти слова. Одни комментаторы писали, что в Давани (Ферганская долина) встречалась породы коней, “попирающие камень, потеющие кровью”. Пот, выступающий на крупе коня гнедой масти, казался древним китайцам алым подобно крови. Возможно, кони эти были гнедой (крово-бурой) масти, почему и пот, выступающий на такой гладкой блестящей масти при свете солнца впечатлительные китайцы назвали “кровоавым”. В то же время можно также предположить, что в названии отразилось наименование масти на языке древних аборигенов Центральной Азии, которые разводили и приручили подобных коней. Для обозначения цвета похожей масти в казахском языке и сегодня употребляется слово “кан курен”, где слово “кан” означает “кровь”, т. е. “крово-

во гнедую” масть. Есть еще слово “тобылгы ат”, в котором масть дана по цвету таволги – кустарника багрового цвета. Знаменитый скакун Хуалю у правителя Чжоу также был этой масти, а слово “хуа лю” скорее всего, произошло от древнетюркского слова “куба – гува”, либо “курен” обозначающих гнедую масть разной насыщенности красного (бурого) цвета.

“Попирающими камень” коней называли потому, что на камнях оставался след их копыт, настолько острыми эти копыта были⁸. В фольклоре тюрко-монгольских народов XIII – XVIII вв. крепкие выносливые копыта коней не случайно называли стальными. Отпечатки конских копыт и ступни всадника до сих пор встречаются на скалах от Красноярска в Сибири и до Сары-Арки в Казахстане. Казахи камень с отпечатком копыта называют издревле “тулпар тас”⁹ и поклоняются ему. Свидетельство китайского источника рубежа тысячелетий об этом примечательном явлении, возможно, является самым древним относящимся к нашему региону запечатленным письменно народным поверьем.

Ханьский император У-ди был весьма суеверным человеком, мечтавшим при помощи крылатых коней достичь Неба и добиться бессмертия. В 101 г. до нашей эры его войско во втором походе нанесло поражение государству Давань, отрубили голову его правителю, а Ханьская империя получила “небесных коней”. По этому случаю У-ди написал “Песню о небесных конях, поднесенных Западом” (Западным краем).¹⁰ Подобные песни можно рассматривать как отголосок древних культовых песен тюрко-монгольских племен, нашедших отражение в другой культурной среде.

В провинции Ганьсу КНР, где на рубеже тысячелетий проживали усунь до того, пока они не перекочевали в долину реки Или, в 1969г. было обнаружено бронзовое изображение коня. Его нашли в могильнике, относящемся к ханьскому периоду. В бронзе запечатлен иноходец в состоянии стремительного бега, под копытом задней ноги изображена летящая птица. Этот выдающийся памятник культуры ученые называют: “Мчащийся скакун” или “Стремительно скачущий конь, попирающий летящую ласточку”. Сегодня фигурка бронзового коня является для китайцев прекрасным символом евро-азиатского Шелкового пути. Это еще одно косвенное доказательство того, что для китайцев этот путь был “конским”, а “шелковым” он был для открывших его позже европейцев. Не случайно китайцы назвали сорт винограда, именуемого “дамскими пальчиками” – “сосцами кобылицы”. А в легенде о происхождении тутового шелкопряда говорится о прекрасной девушке, которую ветер обернул в лошадиную шкуру и вознес на дерево. Кони являются самым ярким примером духовного взаимообогащения культур, которому во многом способствовал Шелковый путь, простирающийся из Китая через территорию Центральной Азии в Европу.

В годы Троецарствия (III век н. э.) каждый из китайских царей и знаменитых полководцев имели своего любимого коня, которому они тщательно подбирали имя. Коня одного из китайских героев называли “Чи туцзы” – “Красный заяц”. В этом имени отражены масть тобылгы и быстроходность коня. Выбор имени коня являлся древней традицией тюрко-монгольских племен, заимствованной древними китайцами и получивший продолжение в культуре цинского периода XVII – XVIII вв. Скакун Дилунь, принадлежавший потомку ханьской династии, отличавшийся своенравным характером, оставил о себе противоречивую память. Он имел прекрасные качества, но скверный нрав, однако это только укрепляла к нему привязанность хозяина. В последующие периоды истории, в северных государствах, основанных династиями из местных народов, как военная, так и гражданская жизнь продолжала быть неразрывно связана с конем. Сложился ряд идиоматических выражений, связанных с этим благородным животным. О талантливом сыне отец говорил: “тысячеверстый скакун моего дома”. В обиходе была

явно заимствованная от кочевников поговорка: “Не влюбляйся в чужую жену, не ездь на чужой лошади”.¹¹ Говорилось также, что “Юноша, выросший в северных краях с малолетства привыкал управлять конем и владеть луком”¹².

В VI – X вв. установились отношения Китая с Тюркскими каганатами, возникшими на территории Монголии. Территория Восточного и Западного тюркских каганатов простиралась от Енисея до междуречья Амударьи и Сырдарьи. Условной границей каганатов можно назвать Иртыш и Алтай. В состав Западнотюркского каганата входили Семиречье, Восточный Туркестан, Киргизия, Ферганская долина. Столица Суяб (кит. Суйе) находилась близ современного киргизского города Токмак на границе с Казахстаном. В танское время, китайские императоры и его свита часто выезжали на конях. А китайские знатные женщины скакали рядом и пускались взапуски с мужчинами. И это не удивительно, некоторые танские императоры и князья родились от тюркских принцесс, либо были женаты на них. Культ коня возродился с новой силой, он привнес свежую эстетику в китайскую поэзию, прозу и живопись. Императоры приказывали запечатлеть своих боевых скакунов в полихромной и монохромной тушью на шелке. В это время была широко известна похоронная “Песня о белом коне”, воспевающая умершего героя и его верного коня. О преданных людях тогда говорили: “служил верно, как конь”. В конюшне танского императора был быстроногий конь, который “отличался длинной шерстью на животе, способностью видеть в ночном мраке и пробегать пятьсот ли за день”.¹³ Знаменитые танские поэты воспевали коней и войлочные юрты, а также вольную жизнь кочевников. В танской истории (“Тан шу”) записана песня-хвала коням императора Тайцзуна (Ли Шиминя, годы правления 627 – 682) “10 скакунов”. При этом “в подражание древности, каждому из коней император дал славное имя и посвятил особые строки в своей хвале”. В живописи того периода также часто встречаются сюжеты, связанные с конем. В Национальном музее Гугун в Тайбэе хранится картина тушью художника VIII в. Хань Ганя “Пастух и конь”, размером 27,5 x 34,1 см., на ней изображены кони белой и черной масти. При этом, у белого коня – черные, а у черного – белые копыта. В одежде пастуха прослеживается влияние одежды тюркских всадников, влияние чувствуется и в его гордой посадке. Подражание художникам эпохи Хань и Тан всегда в Китае считается признаком изысканного вкуса. В том же музее в Тайбэе экспонировалась картина Чжан Дацяня, написанная в 1946 г. под названием «Укрощение коня. Подражание танскому живописцу», размером 94,5 на 46,3 см. Непревзойденным певцом коней остается художник Сюй Бэйхун в первой половине XX в., сочетавший европейскую и китайскую традиционную школы живописи.

В танскую эпоху своего наивысшего расцвета достиг Великий шелковый путь, в котором народы Центральной Азии были посредниками между цивилизованными мирами, а также полноправными их партнерами.

Нет нужды долго распространяться о роли коней в период монгольского владычества в Китае в XIII веке. Что касается тюркских народов, то в эпоху монгольского завоевания произошло смешение их языков и диалектов, что способствовало смешению терминов, имеющих отношение к коню, его воспитанию и культу. Само слово “батыр” (батур, бахадур, богатырь), широко распространенное в то время, является общим для тюркских народов, монголов, персов, маньчжур и славян. А батыр у этих народов рассматривался в неразрывной связи с конем. В эпоху китайской династии Мин в XIV – XV вв. императоры получали коней от монголов, а также Тимура, Тимуридов (Халила-султана, знаменитого ученого Улугбека) и их вассалов¹⁴. Их число превышало иногда тысячу голов. Описание скакуна жемчужносияющей и переливающейся бархатом черной масти с белыми копытами, рисунок которого император презентовал дарителю из Средней Азии, удостоилось описания в исторических анналах Китая и Средней Азии¹⁵. Казахи

копыта коней уподобляли луне, называли коней “луннокопытными”, этот эпитет встречается и в китайской литературе. Есть также запись относящаяся к тому времени о том, как один из минских императоров впервые садясь на подаренного коня, был сброшен горячим аргамаком с седла на виду у среднеазиатских послов. Послы всполошились, ожидая наказания или немилостивого к себе отношения правителя. Однако император постепенно смог унять гнев и свое недовольство плохо обьеженным конем и, с миром разрешил послам возвратиться домой. А в XV в., когда китайцы испытывали недоверие к кочевникам, терпя от них набеги и разорение, негативное отношение к ним выразилось в суеверии, по которому якобы жестокие люди после своей смерти в наказание превращались в боевых коней. В повести писателя минского периода Лэ Ши написано: “Те, кто измывался над людьми, творил жестокости и строил черные планы, а за добро платил злом, превращались в боевых коней, на которых скакали полководцы”.¹⁶ Этот отрывок дает также понять, насколько горька была жизнь коней, воспитанных для войны.

В духовной жизни китайской элиты культ коня возрождался в то время, когда Китай завоевывали кочевники Восточной и Центральной Азии: чжурчжэни, монголы, маньчжуры. Эти династии с присущим им космополитизмом вовлекали китайскую аристократию в орбиту своей духовной жизни, а затем, в ходе цивилизационного диалога в силу их малочисленности сами подвергались ханьской ассимиляции.

Культ коня у кочевников Евразии. В хозяйственной и духовной жизни народов Центральной Азии кони имели уникальное значение. У многих народов сохранились сказания о верном друге – любимом коне. У казахов, как и других скотоводческих народов, выращивающих 4 вида скота: коней, верблюдов, овец и крупный рогатый скот, конь был самым ценным и любимым видом животного. Это отразилось в устной и письменной литературе казахского и других тюркских народов.

В древнетюркских источниках, среди которых можно назвать памятники XI века “Дивани лугат ит-турк” Махмуда Кашгари, “Ирк Битик” (“Гадательную книгу”) мы находим слова, относящиеся к коням, их повадкам и масти: “мингу ат – айгыр” – “кони для верховой езды”, “кара ат, тюм кара ат” – “вороной, чисто вороной конь”, “тюрюг (торы – каз. яз.) ат, тюм тюрюг ат” – “рыжий, чисто рыжий”, “сары – “желтый, соловый”, “жорыга ат” – “иноходец”, “жюгрюк ат” – “быстрый конь, скакун”, “озлюк ат” – “скакун”, “жол аты” – “ездовой конь”, “салйа ат” – “упрямая, норовистая лошадь”, “тиш ат” – “лошадь с лысиной на лбу”, “уйар ат” – “лошадь с белым пятном на лбу”, “кос ат” – “запасная лошадь”, “жандык ат” – простой, непородистый конь”, “ала ат” – “пегий конь”, “боз ат” – лошадь серого цвета, или серой с оттенками масти и другие¹⁷. И сегодня можно понять значение записей этих источников: “Ала атлы жол тенгри мен” (“Я – бог судьбы /разъезжающий/ на пегом коне”), “Ишбара-Ямтар боз атты бинип тегди” (“Сев на серого коня /принадлежавшего/ Ишбара-Ямтару бросился в атаку”), “ат жорыгы не тен” – “каков аллюр этого коня?” и многие другие. Можно долго перечислять из “Словаря” Махмуда Кашгари и других древнетюркских источников слова о деталях убранства коня, или предметов и продуктов, получаемых от этих животных. Все тонкости коневодства и, в целом, всего скотоводства, присущие древнетюркскому периоду, отражены в быту и языке казахов и киргизов. Это можно услышать в речи наших современников, обнаружить в поговорках и пословицах, прочитать в произведениях современных писателей. В китайских источниках поэтично говорят о казахах, как о людях «выросших на спине коня». Казахи впервые сажали своих детей на коня в 3 года, а в 7 – 9 лет те уже достаточно уверенно держались в седле. При заключении мира казахские и джунгарские правители договаривались о его сроке словами: “пока не сядет на коня младенец, родившийся в год заключения договора”. Из народных преданий и сказаний мы знаем о конях

Ер-Тостика – Шал Куйрык, Кобланды батыра – Тайбурыл, Алпамыса – Байшубар и многих других. В именах коней отражены их основные качества и приметы.

Путешественники XIX в. в Казахстане и Синьцзяне отмечали прекрасную посадку, искусство вождения коней у казахов. В дневнике англичанина Томаса В. Аткинсона, который сам был отличным наездником и к тому же художником с острым зрением часто характеризует казахов – всадников словами: “красиво сидящий в седле”, “...киргизы (так ошибочно называли казахов в то время – **К. Х.**) – самые смелые и бесстрашные наездники: сидя на лошади, они буквально являются частью животного” (С. 277). “Чтобы завоевать уважение казахов, надо было быть бесстрашным наездником”, – замечает Т. В. Аткинсон, страстно увлекшийся охотой.

В исторических песнях о знаменитом Аблай-хане (1771 – 1780, время правления) воспеваются его кони Алшанбоз (Пестрый серый) и Жалын Куйрык (Пламенный хвост), а также белый верблюд – вешун (явный отголосок ислама); у Кабанбай батыра – Кубас ат (Сухоголовый, т. е. у него была аккуратная маленькая голова без единой жиринки, признак породистого скакуна).

Конь был не менее значимой личностью, чем человек, ездивший на нем. Отголоски культа коня звучали в тюрко-монгольской среде почти до начала XX столетия. Любимого коня правителя либо наследники приносили как жертвенное животное на его похоронах и годовых поминках, после чего торжественно хоронили его кости, стараясь не потерять ни одной из них. Либо передавали коня достойному наследнику, почетному гостю. Чаще же отправляли знаменитого скакуна в семейный табун, где пасли его до самой смерти, а сказания о нем передавалось из поколения в поколение. Гибель коня у казахов оплакивалась столь же горестно, как и гибель человека. А “кун” плата за породистого коня, захваченного в сражении была не меньше, чем за пленного соотечественника.

Воспитание коня, предназначенного для охоты и сражений предусматривало участие в конных играх, скачках и джигитовке. У народов Центральной Азии были распространены спортивно-военные игры: цивилизованное конное поло у иранцев, дошедшая с древних времен дикая борьба всадников за тушу козла (кокпар) у казахов и киргизов. Хорошо известна казахская игра “догони девушку” (кыз куу) весьма популярная и сегодня, по правилам которой если джигит догонял девушку, то срывал поцелуй, а если не мог догнать ее, то получал удары плеткой. В то же время, при недостатке еды в долгих походах тюркские воины могли сделать надрез и попить крови своего коня. Поскольку в поход они выезжали на двух конях или со сменой в 4 коня, один из них мог попасть в котел. Иранцы же использовали коней для сражений, транспорта и связи, для скачек, но старались не употреблять конину.

Кони и политика Цинской империи. Маньчжурские (цинские) императоры XVIII века продолжали придерживаться старых кочевых традиций и своих шаманских обрядов. Еще окончательно не ассимилированные в китайской среде они приносили жертвы перед вырезанным из дерева конем со всадником, олицетворявшим дух предков. Также они чтили свою святыню: “Семь всадников, восемь коней”, память о том, как из восьми конных воинов возвратились живыми семеро, а с ними – конь погибшего восьмого. Императоры, как и вся маньчжурская аристократия трепетно относились к породистым коням. Среди правителей выделяется император Цяньлун (1710 – 1798), при котором установились казахско-китайские отношения. Он всю жизнь посвящал коням Западу трогательные стихи. Эти стихи, воздающие хвалу коням, воспевающие успехи его “западной” дипломатии являются для нас ценным историческим источником. Цяньлун особенно любил и лелеял своих коней, со вкусом подбирал им имена, а после наступления их старости отсылал на покой на императорские пастбища и в конюшни. Время

от времени Цяньлун навещал отслуживших ему коней, сокрушался о том, что время не жалеет ни их, ни его самого. По его заказу написано не мало сюжетов с конями, его портретов верхом на коне и батальных сцен с участием монгольских и маньчжурских конников. Политическая сторона конского вопроса заключается в том, что кони оставались поставляемым из Запада традиционным стратегическим товаром почти до конца XIX века. Добиться их регулярного поступления на рынки имело такое же важное стратегическое значение для маньчжурского правительства, как сегодня бесперебойное получение нефти и современного вооружения.

Цяньлун достаточно долго принимал Казахстан за древний Давань, слава о конях которого испокон веков жила в памяти народов Китая: “/Страна/ казахов /это/ – древний Давань. /Эта страна/ с /самой/ древности не имела отношений с Китаем. Ханьский У-ди довел до истощения свои войска, но смог добиться лишь их коней. Об этом записано в исторических анналах. Полагаю, /настал/ удобный момент /для/ распространения нашего могущества до крайних пределов”, – заявлял Цяньлун.¹⁸ Для него предметом постоянной гордости служило то, что при нем Китай через тысячу с лишним лет вновь завоевал малый Сиюй – Джунгарию и Восточный Туркестан, а также склонил на свою сторону казахов и киргизов. Получение коней в качестве подношений Цяньлун возвел при своем царствовании в политический институт. Он, как любой правитель своего времени лучшим подарком для себя считал породистых верховых и охотничьих коней. Уже несколько поколений цинских императоров регулярно получало их из Монголии. Но кони из Давани, овеянные мистицизмом и романтизмом древних сказаний, доставляли ему особенное удовольствие. В подражание У-ди Цяньлун также написал стихи о западных конях. Позже географическая ошибка о Давани как о древнем государстве на территории Казахстана была исправлена. Однако тот факт, что казахи сначала выступили в союзе с джунгарами против Цинской империи, а затем стали присылать своих послов с конями имел для цинской династии особенно важное значение и в ретроспективном и современном аспекте.

Маньчжуры сами являлись неплохими скотоводами, охотниками и собирателями лекарственных трав и растений. После завоевания Китая императорская семья увеличила свои стада овец, крупного рогатого скота и табуны коней. Намного усовершенствовалось и ведомства, управлявшие скотом. Ведомство “Циньфэн-сы” отвечало за императорские отары овец и крупный рогатый скот. 4 больших коровника, 6 овчарен были в пригороде Пекина в Наньюане, а также в самом городе. На пастбищах Чжанцзякоу (Калган) у императорской семьи было 4 хозяйства овец и 3 хозяйства крупного рогатого скота. В каждом стаде хозяйства было не менее 110 голов крупного рогатого скота, а в каждой отаре 310 овчарен – 1100 голов овец¹⁹. Дворцовые чиновники отбирали также скот особой масти для ежегодных жертвоприношений и шаманских обрядов императорской семьи. Позже ответственная задача подбора животных нужной масти для жертвоприношений перешла к другому ведомству – Шансьюань²⁰. С укреплением империи укреплялся и расширялся бюрократический аппарат Цинской империи. Вначале дворцовые службы были объединены под названием “13 канцелярий (ямэнь)”, а затем с 1661 г. его называли Нэйуфу. Интересно отметить, что это управление, правда, сильно сократившее свой штат после Синьхайской революции, было упразднено лишь в 1924 г., т.е. через 13 лет после свержения цинской династии.

В структуре Нэйуфу было 7 управлений и 3 палаты. Оно ведало библиотекой, книгохранилищами, среди которых были специальные помещения для богатого собрания географических карт, а также художественных картин, медицинское управление с аптекой, мастерские и кладовые. Специальная палата, ведавшая императорскими пастбищами и конюшнями, отвечающая за содержание и обучение

коней – Адунь ямынь (маньчж. яз.). Император Канси, известный своими походами против джунгар, в 1677 г. переименовал канцелярию в Шансьюань и подчинил ее Нэйуфу. Императорские пастбища и конезаводы, где разводили верблюдов, находились у рек Долун-нор, к северо-западу от летней императорской резиденции в Чэндэ, Далэнхэ (на монг.яз. Омулунь – Белый волк) – к северо-востоку от Чэндэ, у сторожевого поста на р. Дали в пров. Жэхэ, Дабусун-нор в пров. Цинхай-²¹. Здесь же занимались выездкой коней, их обучением для охоты, для скачек. На этих 4 хозяйствах паслось 260 табунов, в каждом табуне было по 400-500 косяков коней. Верблюдов было 65 табунов, в каждом из которых держалось не более 300 голов. В Запретном городе и Южном заповеднике – Наньюань было 17 конюшен, где содержалось более 700 голов.

Шансьюань делился на Левую и Правую канцелярию, одна из которых занималась докладами на высочайшее имя и инспекцией пастбищ и конюшен.

Императорские пастбища находились на землях, богатых сочными травами и сладкой водой, принадлежавших монгольским племенам. А император и его сыновья имели конюшни в самом Пекине.

Район вокруг современного города Чэндэ к северу от Великой китайской стены, где содержались породистые кони со всей Центральной Азии, был передан в дар халха-монголами маньчжурским императорам. Эта земля относилась к провинции Жэхэ (Горячий источник), летняя резиденция, построенная здесь отстоит на расстоянии приблизительно в 300 км. от Пекина. При летней резиденции Бишу шаньчжуан (Горная деревушка, укрывающая от жары), находились императорские охотничьи угодья Мулань (на монг. яз.). Здесь императоры принимали послов из Центральной Азии, в их числе джунгарских, уйгурских и казахских правителей. Здесь же демонстрировались качества подаренных монгольских, казахских, афганских коней в скачках и охоте. Некоторые преподнесенные императору кони паслись на казенных пастбищах близ летней резиденции, а другие содержались в Пекине. Послы по пути в Пекин и Чэндэ проезжали Чжанцзякоу, где паслись многочисленные императорские стада. Иногда послы сами доставляли сюда коней из Монголии, Афганистана, Ирана. Их перегоняли через Монголию, Кашгарию и провинцию Ганьсу.

При императоре Цяньлуэ в летней резиденции в Жэхэ была построена копия ламаистского храма в Или, разрушенного в междоусобной войне джунгар при помощи казахов. Кроме того, была построена копия тибетского дворца Потала, резиденция живого буддийского бога на земле – далай-ламы. Все эти постройки должны были создать особую атмосферу доверия между цинским императором и правителями Сиюя, которая должна была символизировать отношения между ними как отношения вассалов со своим сюзереном. Здесь проводились церемонии принятия в подданство переметнувшихся к цинам знатных джунгар, монгольских князей – чингизидов, уйгурских беков, кокандских и казахских правителей, а также их послов. Аристократы Центральной Азии верхом на конях участвовали в облавной охоте, соблюдали ритуалы вкушения мяса добытых в охоте животных и птиц, делились охотничьими трофеями.

Гости и хозяева прекрасно разбирались в породе и свойствах коней, в уходе за ними и их лечении, а также в охоте на конях и с ловчими птицами.

Среди развлечений кроме охоты были скачки, джигитовка, театральные представления. Знатные гости привозили своих музыкантов, танцоров, поэтов. Из театральных представлений зачастую они наслаждались сценами на сюжеты путешествия Сюань Цзана в Центральную Азию и Индию по роману “Путешествие на Запад” (“Си ю цзи”). Во всех развлечениях невозможно было обойтись без коней.

В императорские стада передавалось небольшое число коней и верблюдов, основная часть пригнанного скота оставалась в Илийском крае, а затем по мере

надобности его перегоняли в Кашгарию. Изначально казахский скот был предназначен для снабжения соседнего Синьцзяна, поскольку перегонять скот на дальнее расстояние было чрезвычайно трудной задачей. Известно также, что казахский скот в ряде случаев перегонялся ими до самого Баркуля. После истребления джунгар, казахские кони использовались для создания казенных конезаводов в Синьцзян, обеспечения цинской конницы, а овцы шли на пропитание. Без преувеличения можно сказать, что цинские конезаводы на территории Синьцзяна в большинстве создавались на основе торгового обмена с казахами и киргизами. По своему, кочевники старались сохранить секреты коневодства, продавая преимущественно мерингов, меньше жеребцов и еще меньше породистых кобыл.

Доставка породистых коней была дорогостоящим и очень ответственным мероприятием, поэтому это дело поручалось доверенным лицам ханов и султанов и их ближайшим родственникам. После достижения Баркуля, а позже – Урумчи, за перегон коней отвечала местная цинская администрация. Коней императорам казахские правители начали преподносить с 1757 г. на протяжении почти 100 лет. Сведения об именах породистых коней и их дарителей, а также описания коней собраны здесь по крупице. Тайваньский ученый Линь Шисюань предпринял героическую попытку идентифицировать монгольских, афганских, бадахшанских и казахских коней с их рисунками на полотнах китайских и иностранных придворных художников.²² Эти художники в свите императора выезжали в Жэхэ, где получали заказы на создание художественных полотен из придворной жизни. Сюжетами их картин были высочайшие приемы, батальные сцены покорения джунгар, уйгуров, а также конных скачек, портретов императоров и полководцев верхом на конях. Художники, как и ювелиры, другие мастера подчинялись ведомству Жуигуань. Слова “жу и”, в китайском языке означает “исполнение желаний”. Существовал символ этого пожелания, напоминающего по форме гриб-бессмертник, похожего на половник с черпалками на обоих концах. Среди подарков императора Цяньлуна хану Аблаю также упоминается “жуи”²³.

Кони приносились в дар императорам от лица всех казахских правителей, начиная от ханов Абулмамбета и Аблая и заканчивая их потомками в четвертом поколении.

Первые 4 коня от правителей Среднего жуза Цяньлуну были подарены в августе 1757 г. В 1757 г. императору получил коня также от Толе би, фактического правителя Старшего жуза. Цинский полководец писал в своем донесении: “Толе би (Тулибай) устрешенный мощью наших войск, навел командование передового отряда и преподнес коня в знак покорности”.²⁴ Это первое подношение конями казахских правителей зафиксировано на нескольких картинах европейских и китайских придворных художников. Интересно, что они, возможно, были доставлены прославленным батыром Кабанбаем по крайней мере в урочище Урумчи. Судя по картинам, сначала по адресу дошли три казахских коня. Они изображены в картине итальянского миссионера и художника Дж. Кастильони, датированного 1757 г. Это – кони вороной (с белыми копытами и белой гривой), гнедой и белой масти. Художник изобразил этих коней повторно еще в картине “8 скакунов”, среди которых были также кони, подаренные афганским шахом и монгольскими князьями.

В 1760 г. в Пекин впервые прибыло посольство от имени трех правителей: хана Абулмамбета, султанов Аблая и Абулфаиза. С тех пор кони стали поступать на рынки Синьцзяна достаточно регулярно. Без преувеличения можно сказать, что это было приоритетной задачей цинской дипломатии ХУШ века. Однако не исключено, что Цяньлун впервые получил среднеазиатских коней еще раньше через джунгар, совершавших походы в Среднюю Азию и Казахстан и обложивших данью завоеванные народы. Достаточно посмотреть на картину Дж. Кастильоне

“Сто скакунов”, написанную еще в 1743 г. На ней наряду с конями, масть которых не повторяется дважды, изображены также всадники. Судя по их одежде они, несомненно, являются выходцами Центральной Азии. Один из конников одет в мохнатую меховую шапку, а другой – в красную шапку с меховой оторочкой. Монголы такой головной убор не носили.

Другой аргумент в пользу нашего тезиса – тюркские имена коней, записанные в материалах ведомства Шансьюань. Некоторые исторические события также подтверждают нашу точку зрения. В 1741 – 1742 гг. джунгарский хан Галдан-Цэрэн предпринял сокрушительный поход против казахов, вынудив их бежать в Среднюю Азию. При этом, было захвачено много пленных и скота. Кроме того, джунгары могли получить ахалтекинцев при обложении налогами присырдарьинских городов и попавших в зависимость от них казахов Старшего жуза.

Помещения в императорской конюшни при Цяньлуне удостоились от правителей Старшего жуза: Толе би – 1 конь (1758 г.), от Среднего жуза от Абулмамбет хана – 1 конь, Абулфаиза – 3 коня, Аблая – 2 коня (1759г.), батыра Кожабергена (Кожа мергена) – 1 конь (1756 г.), Карабалта – 1 конь (1756 г.), батыра Кангельди – 1 конь (1758 г.), из Младшего жуза от Ералы султана, который краткое время был хивинским ханом – 1 конь (1758 г.).

В таблице 1 приведены прозвища и масть коней, изображенных на картине Дж. Кастильоне “8 скакунов”, датируемого 1759 г.²⁵

Таблица 1.

даритель	Кит. имя коня	Каз. имя	Масть	Высота (от холки до передних копыт) и длина в м.
Султан Абулфаиз	Гува (калька тюркского слова)	Кубас	Светловороная	Более 1. 60. 2. 40
Кожаберген Кожамерген	Биюйцзюнь (Нефритовый скакун)	Акбозат	сивая	1.34 2.22
Карабалта (Караболат?)	Цзиньюнься (Парчевое облако)	Торгын	Гнедая с белыми пятнами (кок тенбил)	Более 1.35 2. 35
Аблай султан	Цяньлунци (Голубой дракон)	Айдахар Канат	Чисто белая масть	Более 1.34 2. 21
Ералы Султан	Сутего	Сары сагал Жирен сагал	Вороная с отметинами ?	1.60 2.22
Койгельди Батыр	Минюэти С белой отметиной на лбу (Ак каска ат)	Кара торы	Гнедой с черной гривой и хвостом	1.31 2.1
Абляз	Сюэтуаньхуа		Чисто(снежно) белой масти	1.31 2.21
Толе би	Синвэньлинь		Коричневая масть	1.60 2.21

Все эти кони получены в течении походов 1757 – 1758 гг., когда казахи после нескольких битв заключили мир с Цинской империей, после чего маньчжуро-китайские войска в 1758 г. двинулись в Кашгарию.

Атмосфера заключения мира передают донесения цинских командиров. В 1756 г. Кожаберген (мерген) со своим отрядом прибыл в штаб цинских войск,

где генерал устроил соревнование по стрельбе из лука в кольчугу, закрепленную на шесте. Естественно предположить, что он предложил и батыру показать свое искусство, чтобы удостовериться, что тот оправдывает прозвище “мерген – меткий стрелок”. Кожа – мерген обменял коней и пленных на слитки серебра, куски шелка и другие товары.

Кастильоне (кит. имя Лан Циннин) написал две картины, специально посвященные казахам. Одна из них создана в 1759 г. и находится в Национальном музее Парижа. Ее копия помещена в “Иллюстративной истории Китая”. Местонахождение второй картины не известно. Но есть еще другие картины, на которых изображены казахские послы, приехавшие в Пекин, или в Бишу шаньчжуан и присутствовавшие на различных дворцовых мероприятиях. Представителей народов Центральной Азии помогает определить их одежда.

Вторая одноименная (“8 скакунов”) картина принадлежит кисти также миссионера по имени Игнасиус Зихельбарс (его кит. имя – Ай Цимэн). Материалы Нэйуфу подтверждают, что на ней изображены самые лучшие кони, полученные от монголов, афганцев и казахов. Год создания картины не известен.

Таблица 2.

Аблай	Ханьжуло (Подобный верблюду)	Туйегер	коричневая, или светлокоричневая, шерсть толстая	1.60 2.64
Абулмамбет	Цанайци	Кок буурыл	Черная?	1.65 2.65
Абулфаиз	Фэйсялю (Летящая заря)	Кызыл шапак	Золотистокоричневая	1.66 2.64

Среди казахских правителей упоминаются Абулмамбет, Аблай и Абулфаиз, Абулмамбет умер не позже 1770 г., Аблай – в 1780 г., а Абулфаиз – в 1783 г., пережив Аблай-хана всего на 3 года. Они порознь отправляли посольства в Китай, начиная с 1757 г. А их первое совместное посольство прибыло в Пекин в 1760 г. На картине Игнасиуса изображены кони, которые могли быть подарены этими ханами за 1757 – 1770 годы.

На картине Дж. Кастильоне изображающих 100 коней, о которой упомянуто выше, мы не встретим ни одной одинаковой масти. Которые из этих коней получены от казахов определить пока невозможно.

Кони, подаренные цинскому двору потомками Абулмамбета и Аблая в третьем и четвертом поколении менее известны. Возможно по той причине, что не было среди императоров ценителя, подобного Цяньлуну.

На примере коня в течении почти 3 тысячелетий хорошо прослеживается процесс взаимопроникновения, взаимовлияния и взаимообогащения культур.

¹ См. подробнее Липец Р. С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: “Наука”, 1984.

² Автор пытался обосновать эту свою точку зрения в сообщении: Шелковый путь в Казахстане в новое время// Шелковый путь и Казахстан. Материалы научно-практической конференции. Алматы, 2-3 сентября 1998г. Алматы: Изд. дом “жибек жолы”, 1999. С.49-53.

³ Хафизова К. Ш. “Му Тянь-цзы чжуань” – древнейшее свидетельство диалога культур // Цивилизация человечества. Алматы, 2005. С. 141.

⁴ Атеисты, материалисты, диалектики Древнего Китая. Вступительная статья, перевод, комментарий Л. Д. Позднеевой. М.: ГРВЛ, 1967.

⁵ Юань Кэ. Мифы Древнего Китая. Пер. с кит. М.: ГРВЛ, 1987. С. 352.

- ⁶ Юань Кэ. Указ.соч. С. 347.
- ⁷ Ленгель А. Кони в искусстве и истории Китая // Синорама. – 2000 (март). – С. 38.
- ⁸ Эр ши сы лян Хань шици сиюй шиляо цзяочжу (Комментарий к историческим материалам о Западном крае в Истории Ранней и Поздней Хань 24 –х династийных историй). Отв. ред. Чэнь Шимин, У Фухуай. Урумчи: Синьцзян дасюэ чубаньшэ (Издательство Синьцзянского университета), 2003. С. 182.
- ⁹ Токтабай Ахмет. Культ коня у казахов. Алматы: «КазИздат-КТ», 2004. С. 9.
- ¹⁰ Бань Гу. “Ханьшу” (История династии Хань). Цзюань 6. “Основные записи правления У-ди”. Л. 202
- ¹¹ Путь к заоблачным вратам (Старинная проза Китая), М.: Изд-во “Правда”, 1989. С.171, 174,
- ¹² Там же. С. 534
- ¹³ Там же.С. 230
- ¹⁴Хафизова К.Ш. Тимур, Тимуриды и Китай. В кн. Мировоззрение и мировая культура. Памятники исторической мысли. Сборник статей посвященный 80-летию академика РАН С.Л. Тихвинского. М.1998 С.161-177.
- ¹⁵ Извлечения из “Мин ши” пер.с кит Хафизовой К.Ш.// Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана.. Алматы: “Тылым”, 1994. С. 48
- ¹⁶ Путь к заоблачным высотам...С. 478
- ¹⁷ Древнетюркский словарь С.32 и 115
- ¹⁸ Дай Цин Гаоцзун чуньхуанди шилу (далее - ГШЛ) (Правдивые записи правления Гаоцзуна чуньхуанди великой династии Цин), цз. 547
- ¹⁹ Чжан Дэцзэ. Циндай гоцзя цзигуань каолюэ (Государственный аппарат Цинского Китая. 1644-1911). Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 1981. С. 181-184
- ²⁰ Цинь Гоцзин. Циндай Нэйуфу цзи ци данъань (Нэйуфу цинского периода и его архив) // Циндай гунши цунтань. Пекин, 1996. С.379 - 397
- ²¹ Чжан Дэцзэ. Указ. Соч. С.185
- ²² Линь Шисюань. Цяньлун шидайды гун ма юй маньчжоу чжэнчжи вэньхуа (Подношение конями при Цяньлуне и маньчжурская политическая культура)// Ди ер цзе Циндай данъань гоцзи сюешу яньтаохуй. Тайбэй, 2005. С.233-285. Автор является профессором Чжэнчжи (Политического) университета в Тайбэе.
- ²³ Хафизова К. Ш. Цинская империя и казахские ханства: диалог цивилизаций // Китай в диалоге цивилизаций. К 70-летию академика М. Л. Титаренко. М.: “Памятники исторической мысли”, 2004. С. 711-720.
- ²⁴ Циньдин хуаньюй сиюй тучжи, цз. 44.
- ²⁵ Линь Шимьянь. Указ.соч. С. 262.